

Добрый человек из Терву.

С конца XIX века усилиями Гриненбергов (см. «Жирьяж», выпуск 28 в «Призыве» № 9 от 11 марта) поселок Терву (Куркиёкское поселение) стал образцом ведения сельского хозяйства. Здесь была мельница, маслозавод и производство сыра. В 1914 г. это поместье купил Самуил Лазаревич Гуревич. Стоило он по тем временам необычайно дорого, но это было лучшее хозяйство в Приладожье. Кто же был этот богач, который сумел его приобрести?

С. Л. Гуревич родился в 1861 или 1862 году в Польше, закончил Житомирскую гимназию, а потом развил широкую купеческую и сельскохозяйственную деятельность. Он был огромного роста, отличался недюжинной силой. В 1900 году вместе с младшим братом Львом он приобрел большое имение Корен на польско-русской границе. Вероятно, Гуревичи хорошо разбирались в сельском

хозяйстве, поскольку имение скоро стало образцовым. В 1913 г. Гуревич продал его с большой выгодой.

Интерес Гуревича не ограничивался сельским хозяйством. В 1914 г. он основал макаронную фабрику в Петербурге (сейчас называется 1-я макаронная фабрика). Но сам он предпочитал жить в сельской местности. В 1914 г. он покупает образцовое имение в Терву. Для управления он создает акционерное общество. Кроме Гуревича акциями владели его друзья и родственники. Гуревич постоянно жил в Терву, в его имении всегда было много гостей.

После октябрьской революции 1917 года Финляндия стала независимым государством. Гуревич лишился своей собственности в России, но сохранил имение в Терву, оказавшееся тогда на территории Финляндии. Ему удалось сохранить и часть своих капиталов. После этого начинается удивительная страница его жизни. Имение в Терву становится убежищем для многих эмигрантов из России. Среди них – выдающиеся люди, такие, как писатель Леонид Андреев, художник и философ Николай Рерих и другие.

Прекрасно предстает он в воспоминаниях Леонида Андреева: «6 сентября 1818 г. Вчера свалил с плеч некоторую обузу. Добрый еврей С.Л. Гуревич, богач, тогда еще не знакомый со мною, прислал мне аккредитив на 10 тысяч марок. Так вот, вчера я отослал аккредитив обратно – конечно, с любезным письмом. Тяготит меня всякая зависимость, а денежная наипаче. Самолюбив я, должно быть, не выношу, когда кто-нибудь может хоть в мыслях считать себя моим благодетелем».

А в ответном письме Гуревичу Андреев пишет:

«Многоуважаемый Самуил Лазаревич!

Ваша редкая доброта и любезность глубоко тронули меня. Не знаю, как другие мои товарищи-литераторы, но про себя должен сказать, что за всю мою довольно длинную жизнь я впервые встречаю столь чуткое, доверчивое и благородное отношение от человека, который знает меня лишь как писателя, и ничем лично со мною не связан. По существу же вопроса скажу следующее.

В настоящее время и на ближайшие месяцы я обеспечен, и если общероссийский кризис скоро разрешится, я в состоянии буду обойтись без предлагаемого Вами займа. ...что нисколько не уменьшит моего чувства глубокой благодарности. Ведь важно не то, что я сейчас пользуюсь этими деньгами, а то, что они в известной степени уменьшают мою тревогу за темное будущее и дают лишнюю опору для борьбы за свою духовную независимость.

Ибо журнальную работу при настоящих условиях, когда дикий произвол, большевистский террор и цензура не дают возможности сказать правдивое и искренне слово, я считаю невозможной и недопустимой. Мне жаль товарищей, которых голод принуждает терпеть этот гнет и издевки, и ни слова осуждения я никогда не скажу о них, но сам я до последней, до крайней возможности хочу избежать их горькой участи. В сущности, ни при каких условиях не стал бы я работать (при большевиках) при теперешней цензуре, но эта решимость, естественно, не позволяет мне смотреть в будущее свое и своей семьи веселыми глазами.

Отсюда понятно, какую услугу оказываете Вы мне, и какое чувство должен я испытывать к Вам. ... Крепко жму Вашу руку и надеюсь, что скоро мне удастся сделать это в действительности».

В дневнике дальше размышляет: «Все говорят о необходимости бегства, и никто не знает, надо бежать или нет. Жалеют запасы, имущество. Я также ничего не знаю. И куда бежать? Конечно, к Гуревичу в Тервус (на Ладожское озеро), но как это трудно. И ведь все может пропасть: дом, картины, книги, письма и фотографии — воистину останусь гол».

В начале июля 1919 года, обращаясь к Гуревичу, Андреев просит помочь найти ему домик в пределах 50 тысяч марок и пишет в дневнике: «А Тервус? Эх, и хочет душа в рай, да грехи не пускают. Но о поездке мечтаю, и как только гроза военной непогоды перейдет в тихий дождичек, прискачу в Тервус».

1 августа жена Андреева пишет свекрови: «Мамашенька, живется нам здесь замечательно хорошо. Помещение отдельное, великолепное. Есть лодки и моторы. Сегодня ездила с Леонидом на остров, ходили босыми по камням — все это как шхеры, пожалуй, еще лучше. Леонид начинает осваиваться...»

14 августа Андреев пишет Карташову А.: «Лихое нездоровье задержало меня в Тервусе, и я смогу приехать в Гельсинфорс только в конце будущей недели... Очень хочу поговорить с Вами. Опасаюсь, что в устах С.Л. Гуревича, который меня любит и дружески горячо отстаивает мои интересы, характер моих планов и намерений принял не совсем точную окраску».

В письме от 4 сентября Рериху он сообщает: «...Было в Гельсинках одно радостное впечатление, до сих пор вызывает улыбку: это красное солнце, подобное сияющей физиономии Гуревича, который встречал меня на вокзале... Он сиял и, залив меня светом, мгновенно умчался на стокгольмский пароход, который уже уходил. А у самого дела плохи и забот множество. На днях продан Тервус, Тумаркины ищут квартиру».

10 сентября Андреев напишет последнее письмо Николаю Рериху, в котором есть такие три строчки: «За Ваше милое внимание и заботу — благодарность от сердца. Если я совсем не пал духом и начинаю бодриться, то это делаете Вы (и Гуревич)».

В октябре в Терву гостил и Н.К. Рерих. На встречу с ним приезжал и Андреев. Рерих много путешествовал по Ладожскому озеру, природа которого его покорила. Он оставил несколько зарисовок окрестностей Терву, а одну из них с видом на Линнасаари он сделал сидя на террасе

имения Гуревича.

Но Гуревич помогал не только знаменитым людям. Множество простых людей, попавших в беду, писали ему и получали от него помощь.

Вот примеры таких писем:

«19.08.1918. Глубокоуважаемый г. Гуревич. Деньги 1400 финских марок мною получены. Очень благодарю Вас за Вашу любезность и хлопоты о нас».

«23 октября 1918 г. Многоуважаемый Самуил Лазаревич. Надеюсь на Ваше доброе сердце и отзывчивость и на Ваше неоднократно высказанное желание помочь лицам, которые желали бы спастись из Петрограда, переехав каким-либо способом в Финляндию, спешу сообщить Вам, что такое общество теперь составилось и приступило к собиранию необходимых средств для помощи русским беженцам (без различия национальности), желающим спастись из Петрограда. Надеюсь, что Вы примете участие в этом добром деле».

«22 марта 1919 г. Многоуважаемый Самуил Лазаревич. Зная Вашу безграничную доброту и имея в виду, что вы состоите членом комитета покровительствующего русским, беру на себя смелость просить Вас оказать означенной особе с маленьким сыном материальную помощь в какой-либо форме».

«6 августа 1919. Глубокоуважаемый Самуил Лазаревич. Препровождая Вам расписки в получении госпожой Покровской пожертвованных Вами денег, прошу не отказать уведомить, предполагаете ли Вы в будущем оказывать такую же поддержку для уплаты в больницу за ее больную мать».

Пока Гуревич в Финляндии старался помогать русским беженцам, его сын пошел добровольцем в армию Деникина: «30 сентября 1918 г. Господину капитану В.В. Самсонову. Милостивый Государь. Получил ваше отношение от 25 сентября за № 2561, адресованное сыну моему добровольцу Б. Гуревичу явиться к Вам для командировки в Северо-Западную Армию. Считаю нужным сообщить Вам, что сын мой учился в Нью-Йоркском университете, откуда специально приехал, чтобы поступить инструктором в нашу армию. После выступления большевиков он переехал в Финляндию и записался добровольцем, но, не получив приглашения, он согласился сопровождать зафрахтованный пароход для армии генерала Деникина и намерен по прибытию в Новороссийск поступить в ряды армии генерала Деникина».

Гуревич старался помочь всем обездоленным, но у него самого дела были плохи. В независимой Финляндии был принят закон, по которому владеть недвижимым имуществом могли только граждане страны. Получить гражданство русским было необычайно сложно и большинство из них, владевших собственностью, было вынуждено расстаться с ней за бесценок. Гуревич также был вынужден продать свое имение в августе 1919 г. общине Куркийоки, после чего большая часть земли была продана крестьянам, а в поместье были организованы сиротский приют и дом для престарелых. В этом же году умерла жена Гуревича Берта Осиповна.

В 1919 г. Гуревич уехал в Варшаву, Тумаркин в США. В 1939 году С.Л. Гуревич умер, а его вторая жена и сын погибли в варшавском гетто.

Игорь Петров.